

Анджей де Лазари

Как быть русским?

На рубеже 80-х годов, когда Александр Солженицын предупреждал, «чем грозит Америке плохое понимание России», и доказывал, что «коммунизм – у всех на виду и не понят», обращая внимание на распространенное ошибочное использование слов «Россия» вместо «СССР» и «русские» вместо «советские», я проблемы не понимал. Ведь в то время поляки уже более или менее успешно отличали советское от русского. Существовало советское государство, а в нем среди прочих жили русские – с русской культурой, языком и т. п. (не было у них разве что собственной русской компартии), и в Польше умение отличать советское от русского не представляло серьезных языковых проблем. Для польской интеллигенции Булгаков, «русскоязычный» Окуджава, Высоцкий, не говоря уже о самом Солженицыне, были однозначно русскими, и никому в голову не приходило называть их советскими. Польская интеллигенция сочувствовала русской эмиграции, диссидентам, всем несоветским, по ее мнению, писателям, поэтам... Враг был однозначно советский, русскому же человеку мы сочувствовали. Правда, раньше отождествление «русскости» и «советскости» имело и в Польше свою традицию. До войны оно лучше всего отразилось в заглавии семитомного труда Яна Кухажевского «От белого царизма – к красному»¹, но даже тогда это отождествление не было повсеместным. В Польше, к

¹ J. Kucharzewski, *Od białego caratu do czerwonego*, t. 1-7, Warszawa 1926–1935, переиздание: Warszawa 1998-2000.

сожалению, был сильный антисемитизм, что отразилось также в сочувствии к русским, попавшим «под оккупацию жидобольшевизма». Это хорошо заметно в польской антибольшевистской карикатуре того времени². Однако в 80-е годы у нас не было уже сомнений – русское и советское не перепутаешь. Не делали этого и мои западные коллеги, правда, в основном, литературоведы.

Очередное удивление и непонимание – 1998-й год и глава «Быть ли нам, русским?» в солженицынской «России в обвале». Что за вопрос? Поляки уже окончательно сбросили с себя коммунистическую чушь и снова стали просто поляками, так почему бы русским не сделать наконец то же самое и опять стать русскими – и по форме, и по содержанию? Откуда такой пессимизм и опасения Солженицына?

Конечно, это я был наивен и, несмотря на свои *russian studies*, мало что тогда понимал. Первый раз мне пришлось серьезно задуматься над вопросом «быть ли нам, русским?» в 2002 году, когда я организовал в Москве конференцию о взаимных предубеждениях поляков и русских, которую озаглавил «Польская и русская душа: от Адама Мицкевича и Александра Пушкина до Чеслава Милоша и Александра Солженицына»³. Перед конференцией мне позвонили из Польского посольства, указав на то, что я назвал конференцию неполиткорректно и что надо бы назвать ее «Польская и российская душа»... Разумеется, я не согласился, осознавая, во-первых, что категории «российская душа» в серьезной литературе нет (а «душой» я занимался только как идейной категорией), во-вторых – меня не интересовали предубеждения по отношению к полякам ни народов Сибири, ни народов Кавказа и проч. Тогда же, после конференции, мы решили провести социологический опрос среди студентов РГГУ о предубеждениях, существующих у

² См.: А. де Лазари, О. Рябов, *Русские и поляки глазами друг друга. Сатирическая графика*, Ивановский гос. университет, Иваново, 2007; A. de Lazari, O. Riabow, *Polacy i Rosjanie we wzajemnej karykaturze*, PISM, Warszawa 2008.

³ См.: А. де Лазари (ред.), *Польская и русская душа: от Адама Мицкевича и Александра Пушкина до Чеслава Милоша и Александра Солженицына*, PISM, Warszawa 2004.

русских по отношению к полякам. И вот мой русский российский коллега меня спрашивает: «А как я тебе этих русских из группы выделю, спрашивать буду о национальной принадлежности? – Неудобно!»⁴.

Только тогда я сообразил, насколько прав был Солженицын в своих опасениях, задумываясь: «Да быть ли нам русскими?». Десять лет назад он забеспокоился: «Мы дожили до того, что словоупотребление „русский“ как бы – под моральным запретом, оно уже кажется дерзким вызовом: а что мы хотим этим „выразить“? от кого „отгородиться“? а как же, мол, остальные нации? Но остальные нации держатся за свои наименования увереннее нас. Сегодня – и особенно официально – пытаются внедрять термин „россияне“. Смысловая клетка для такого слова есть, да, как соответствующая необходимому прилагательному „российский“. Однако слова этого не услышишь ни в каком простом, естественном разговоре, оно оказалось безжизненно. Ни один не-русский гражданин России на вопрос „кто ты?“ не назовет себя „россиянином“, а с определенностью: я – татарин, я – калмык, я – чуваш, либо „я – русский“, если душой верно чувствует себя таковым. И в остатке – расплывчатое „россияне“ достается нам в удел разве что для официальных холодных обращений да взамен полного наименования гражданства. Но никогда нам не определиться и не понять самих себя, если примем негласный запрет называть себя „русскими“» („Россия в обвале«).

Десять лет прошло, и вот Никита Михалков содействует организации телевизионного проекта и участвует в нем, решая, кому быть «именем России», и, если толпа поддержит, он готов примириться с тем, что этим именем будет Сталин (когда я пишу эту заметку, Сталин на втором месте (!), за Александром Невским). Получается, что вся многолетняя борьба Солженицына за то, чтобы советскость не отождествлялась с русскостью, проиграна, продана самими русскими. Как они могли согласиться, чтобы в этом проекте Сталин и

⁴ Оказалось потом, что предубеждений никаких не было по простой причине – студенты РГГУ **ничего** не знали про Польшу.

Ленин оказались в числе «12-ти героев России»⁵? Как сами россияне (в том числе и русские) могли так отождествить российскость, русскость и советскость, забывая, что коммунизм в принципе безнационален, что нация и национальность для коммунизма основные враги? Поляку этого не понять.

Сам я, конечно, понимаю, для чего Государству нужно это отождествление, почему Государством создается идеологический проект «Российская нация: Купно за едино!»⁶, но не понимаю, почему «новая нация» опять создается, как в СССР, за счет русских и русскости.

Казалось бы, что по принципу, по логике слово «российский» должно быть своеобразным синонимом слов «государственный» и «национальный». Однако это не совсем так, если существует не один российский государственный университет, российский государственный архив / музей / телеканал и т. д., а рядом с ними Российский национальный оркестр, Российский национальный конгресс кардиологов и т. д., Главная Всероссийская Премия «Российский Национальный Олимп» и даже Российский национальный сервер лесбиянок.

Обратим внимание на название *Главная Всероссийская Премия «Российский Национальный Олимп»*. Нет в нем слова «государственный», так как «государственность» этой премии хорошо передают слова «российский» и «национальный». Тогда что там делает и что обозначает слово «всероссийский», если «всероссийскость» (в значении: „ принадлежность всей РФ“) заключена уже в словах «российский» и «национальный»?

И еще. Существует, правда, Государственный Русский музей, зато нет ни одного *Русского государственного университета*, *Русского национального университета* (общество «Русский национальный университет» существовало в межвоенный период в Праге), не говоря уже о *Русском российском университете*, а существует Чеченский государственный университет, Кабардино-Балкарский государственный университет, Башкир-

⁵ См.: www.nameofrussia.ru.

⁶ См.: www.rosnation.ru.

ский государственный университет... Это справедливо?! Единственное, что еще радует, так это существование «русских народных оркестров», хотя лучший из них переименовали в *Национальный академический оркестр народных инструментов России*, несмотря на то, что в его составе по-прежнему в основном одни русские народные инструменты – балалайки и домры, а не кобзы, камузы, нярс-юхи, дечик-пондуры, зурны и другие инструменты народов, живущих в России. Еще недавно этот оркестр именовался *Государственный академический русский народный оркестр*. В «Стране Советов» создавалось единое государство = единый народ, что отразилось, в частности, в абсолютно нелогичном соединении в наименовании оркестра Осипова государственности, академичности, русскости и народности. Но разве теперь не происходит что-то наподобие того «единения», но уже без русскости?

И вот я, поляк, не сдаюсь, и не без влияния Солженицына веду в Польше свою маленькую утопическую «борьбу за русскость»⁷. А это дело непростое, так как на польском и других «нерусских» языках нет словесных возможностей различить понятия «русский» и «российский», «русский» и «россиянин», чего не скажешь о понятиях «русский» и «советский». К тому же сами русские россияне мало мне помогают в этой борьбе. Для большинства из них словосочетание «русский россиянин» малопривлекательно, если не «бесмысленно». Больше смысла они видят, например, в словосочетании «русская мафия», хотя, кажется, в ней как раз больше других россиян, а не русских. Я умолял своих российских коллег, чтобы в переводе моей книги о почвенничестве присутствовала лишь «русская почва», а все равно кое-где появилась «российская».

Кому нужна эта борьба? По-моему, в первую очередь – самим русским, чтобы и для поляков, и для русских, и для всех жителей Земли ни Сталин, ни Берия, ни Дзержинский,

⁷ См. русские переводы некоторых моих статей в интернете: www.inosmi.ru/translation/221499.html; www.inosmi.ru/print/241937.html; www.gyulakiraly.hu/pdf/AndrzejdeLazari.pdf; http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/coe21/publish/no17_ses/06lazari.pdf; www.inosmi.ru/stories/05/08/08/3450/234626.html; www.inosmi.ru/stories/05/08/08/3450/229380.html.

Менжинский, Ягода, ни масса других коммунистов не были «русскими», так как они русскими в действительности не были, а навсегда остались безнациональными коммунистами (!), чтобы за преступления в Катыни, Медном, Харькове, за ГУЛАГ, голодомор на Украине и в других местах СССР ответственность несли не русские, не «москаля», а коммунисты. Солженицын в очередной раз обратил на этот факт внимание читающей публики в апреле этого года («Поссорить родные народы??», «Известия», 02.04.2008), но кто его понял? Глеб Якунин ничего не понял, обращаясь к писателю с открытым письмом и бессмысленно глупо ставя его в один ряд «с думскими политиками и тайно обожающими Сталина»⁸. Не поняли Солженицына Лев Пономарев и Евгений Ихлов, аналитики Движения «За права человека»⁹ и многие другие россияне. А ведь Солженицын доказывал в своем выступлении лишь одно – что коммунистические преступления нельзя отождествлять с «москалями» и на этой почве ссорить украинцев с русскими. То же самое я доказываю в Польше, но с горечью должен констатировать, что меня мало кто понимает, и основная вина за это ложится на тех россиян, которые до сих пор не хотят лишиться русскости и российскости Сталина, Ленина, Дзержинского, Берию и других коммунистических преступников.

На мой взгляд, получается, что сегодня в России быть русским некорректно. Русским можно быть в Париже, Праге, Лодзи, Нью-Йорке, но в России лучше быть россиянином или даже коммунистом и не высовываться со своей русскостью.

Так как быть русским? Неужели снова строить свой Русский национальный университет в Праге?

⁸ «Злая судьба вовлекла Вас в ряды тех, с кем Вы мужественно и самоотверженно боролись!» Открытое письмо священника Глеба Якунина Александру Солженицыну, <http://portal-credo.ru/site/?act=news&id=61771>.

⁹ См. там же.